

А. Ф. Шорин, А. А. Шорина
**РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ
 КОМПЛЕКСОВ КОКШАРОВСКОГО ХОЛМА**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-3(60)-97-107

УДК 902.652(470.5)

ББК 63.442(235.55)

На основании анализа 54 радиоуглеродных дат определено время существования неолитических комплексов памятника археологии «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение». График сумм вероятностей всех дат показывает время его функционирования с вероятностью 95,4 % в интервале 6600–4400 cal BC. С вероятностью 68,2 % в этом интервале четко выделяются два пика — 6000–5300 cal BC и 5100–4600 cal BC. Возможно, они маркируют два этапа использования святилища — ранний (к его началу можно, скорее всего, отнести и даты в интервале ^{14}C 7474 ± 80 BP–7010 ± 80 BP, т. е. период второй половины VII — середины VI тыс. до н. э.) и поздний (охватывает период конца VI — начала третьей четверти V тыс. до н. э.). Ранний этап связан с сооружением на памятнике культовых и жилых объектов кошкинских и кокшаровско-юрьинских коллективов. На позднем этапе эти коллективы сначала сосуществуют, а затем сменяются полуденскими, а также оформляется басьяновский орнаментальный комплекс. Самая поздняя дата этого комплекса — ^{14}C 5470 ± 90 BP — смыкается с энеолитическим аятским этапом заселения памятника — ^{14}C 5440 ± 90 BP и ^{14}C 5250 ± 90 BP. Но в это время памятник вряд ли уже действовал как святилище.

Ключевые слова: *неолит, хронология, Зауралье, Кокшаровский холм, Юрьинское поселение, кошкинская культура, кокшаровско-юрьинская культура, басьяновская культура, полуденская культура*

Памятник федерального значения «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение», расположен на южном берегу Юрьинского озера в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области, в лесной зоне Среднего Зауралья, на границе восточных отрогов Уральских гор и Зауральского пенеблена. Кокшаровский холм, который интерпретируют как святилище,¹ представляет собой насыпное сооружение диаметром около 40 м и высотой до 1 м в южной части и до 3,5 м у крутого уступа берегового мыса озера в северной его части. Находится он почти в центре Юрьинского поселения, неолитическое население которого и воздвигло этот памятник путем подсыпок земли, в частности для выравнивания площадок, как при сооружении культовых

объектов, так и, не исключено, при их «погребении» или «уничтожении» после использования. Памятник обладает тремя несомненными преимуществами:

1. Он находится в той территории Зауралья, которая в древности на протяжении многих тысячелетий являлась одной из основных зон культурогенеза не только самого региона Зауралья, но и прилегающих к нему территорий по обе стороны Уральского хребта. Именно здесь выделены те неолитические комплексы, прежде всего типы керамики, которые стали определяющими для создания культурно-хронологических схем региона: кошкинский тип, козловский, полуденский, боборыкинский (В. Н. Чернецов,² О. Н. Бадер,³ В. Т. Ковалева⁴ и др.). Как правило, именно через сравнение с этими типами керамики выделяют и первоначально датируют неолитические комплексы, вновь обнаруженные в сопредельных регионах.

2. На памятнике «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» фиксируются все эти основные неолитические комплексы, причем

¹ См.: Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

*Шорин Александр Федорович — д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН; профессор, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)
 E-mail: shorin_af@mail.ru*

*Шорина Анастасия Александровна — м.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург).
 E-mail: aashor@mail.ru*

² См.: Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 41–53.

³ См.: Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. М., 1970. № 166. С. 157–171.

⁴ См.: Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.

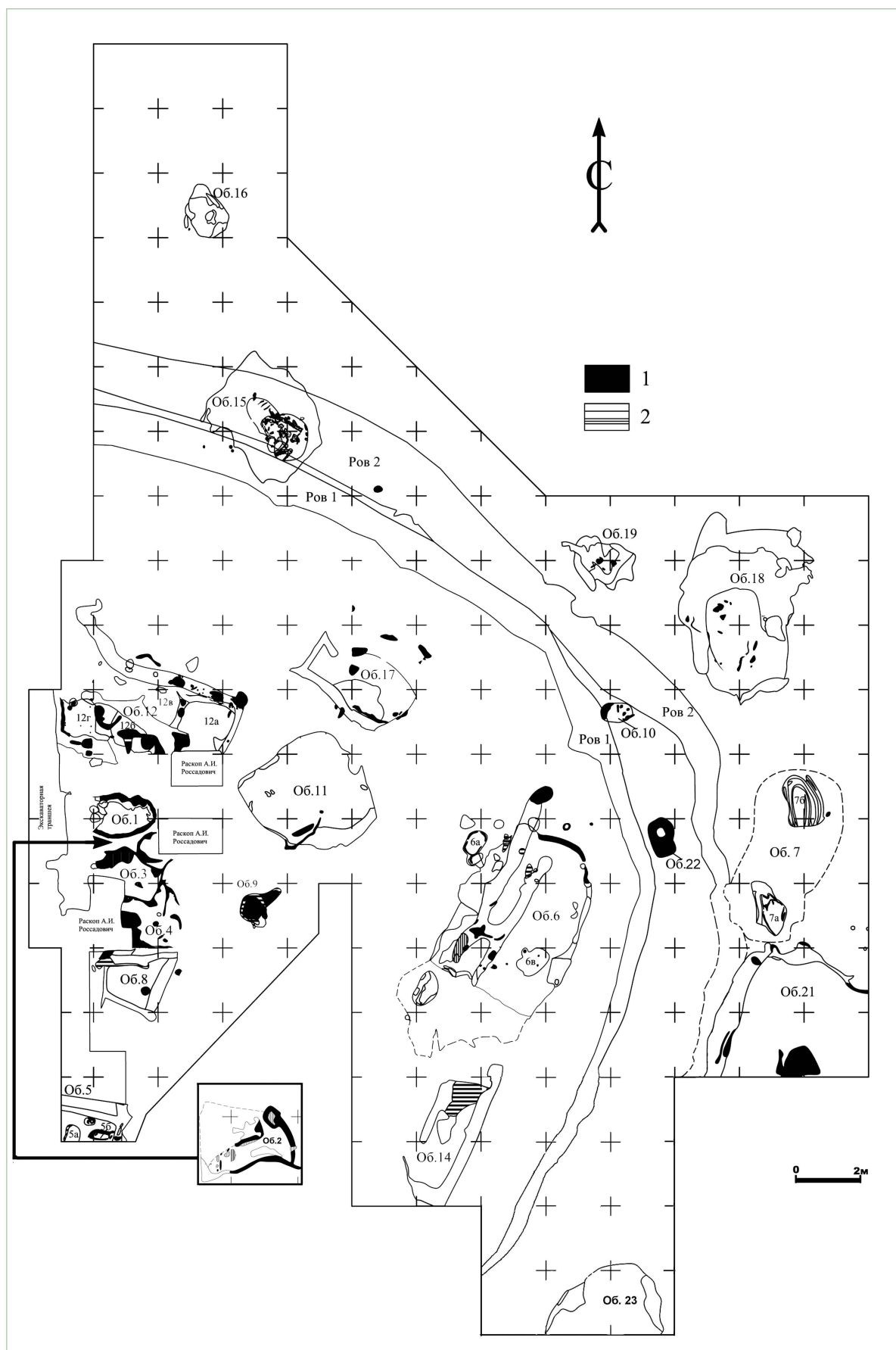

Рис. 1. Кокшаровский холм и Юринское поселение. Сводный план объектов:
1 — углистые прослойки; 2 — прокаленные слои

Таблица 1

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПО УГЛЮ ИЗ ОБЪЕКТА 15 КОШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ п/п	Шифр лаборатории	¹⁴ C дата, ВР	Калиброванная дата, cal BC		Источник
			1σ	2σ	
1	Le-7879	6920 ± 100	5904–5718	5990–5642	Шорин, Шорина, 2011, с. 70–77
2	Le-7880	7560 ± 200	6638–6222	6840–6024	Там же
3	Le-7881	6940 ± 150	5933–5716	6095–5558	Там же
4	Le-7882	7440 ± 200	6461–6086	6700–5890	Там же
5	Le-7883	7050 ± 180	6070–5736	6261–5622	Там же
6	Le-7884	7450 ± 450	6826–5871	7478–5607	Там же
7	Le-7887	6900 ± 160	5918–5661	6072–5521	Там же
8	Le-7886	6940 ± 150	5933–5716	6095–5558	Там же
9	Le-7885	5920 ± 60	4848–4718	4962–4679	Там же

Примечание к табл. 1 и 2:

Le — лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Калибровка всех дат в тексте и таблице произведена 04.05.2018 г. через сайт <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html>.

Калибровочная программа: OxCal 4.3.2.

Калибровочная кривая: IntCal 13 atmospheric curve.

прослеживается как последовательность их стратиграфического залегания в слоях,⁵ так и их связь с определенными полузакрытыми объектами памятника: культовыми объектами святилища, жилыми постройками поселения. Более того, в объекте 21 на поселении зафиксировано позднеолитическое жилище совместного позднекокшаровско-юринско-полуденского коллектива в котловане раннеолитического кошкинского. Такой ситуации, когда в одной точке пространства можно уверенно проследить взаимодействия и смену всех четырех неолитических культурных традиций, в регионе больше нет. Да и случаи прямой стратиграфии разных неолитических комплексов на поселениях Зауралья и прилегающих территорий Обь-Иртышского бассейна единичны.

3. На фоне других археологических объектов в отмеченном регионе с памятника получено больше всего радиоуглеродных дат — 54 (28 — по керамике, 26 — по углю).

Анализ всей совокупности радиоуглеродных дат позволяет наметить несколько этапов формирования культовых и жилых объектов на территории святилища и поселения и тем самым выявить последовательность заселения памятника разнокультурными группами неолитического населения.

Предварим этот анализ краткой характеристикой организации внутреннего пространства памятника (рис. 1). Помимо внешне за-

метной насыпной площадки, которая сама по себе маркировала культовое пространство, сакральность места была усилена вырытым ровом, а может и двумя. Первый ров мог быть дополнен, особенно по склону мыса, какой-то конструкцией из тонких бревен типа стены или частокола. Эти объекты еще четче выделяли площадку святилища в профанном пространстве Юринского поселения. Именно на этой площадке фиксируются объекты 3–6, 8, 11, 12, 14, 17 и, возможно, 1 и 2, а также сопутствующие им малые объекты №№ 5а, 5б, 6а, 6в, 9. Три из этих объектов (5, 6, 12) сопровождалось сосудами кошкинской культуры, по одному сосуду: 3 — кокшаровско-юринской, 17 — басьяновской. Но ряд объектов вынесен за пределы рвов. Кошкинский культовый объект 15 расположен в пойменной части берега и перекрыт рвами. В пойме же находились и объекты 18 и 19, первый из которых кошкинский, второй — с невыясненной культурной атрибутикой. Площадка кокшаровско-юринского объекта 7, а также малые объекты 7а, 7б, 10 и 22, культурная верификация которых не очевидна, зафиксированы на мысу, но за пределами рвов (два последних объекта, возможно, между рвами). К юго-востоку от рвов, уже на территории Юринского поселения, расположен жилой объект 21, в глубоком котловане которого последовательно сооружены раннее кошкинское и позднее совместное позднекокшаровско-юринско-полуденское жилища.

По радиоуглеродным датам самыми ранними являются объекты 15 и 18, расположенные в пойменной части Юринского поселения,

⁵ См.: Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.

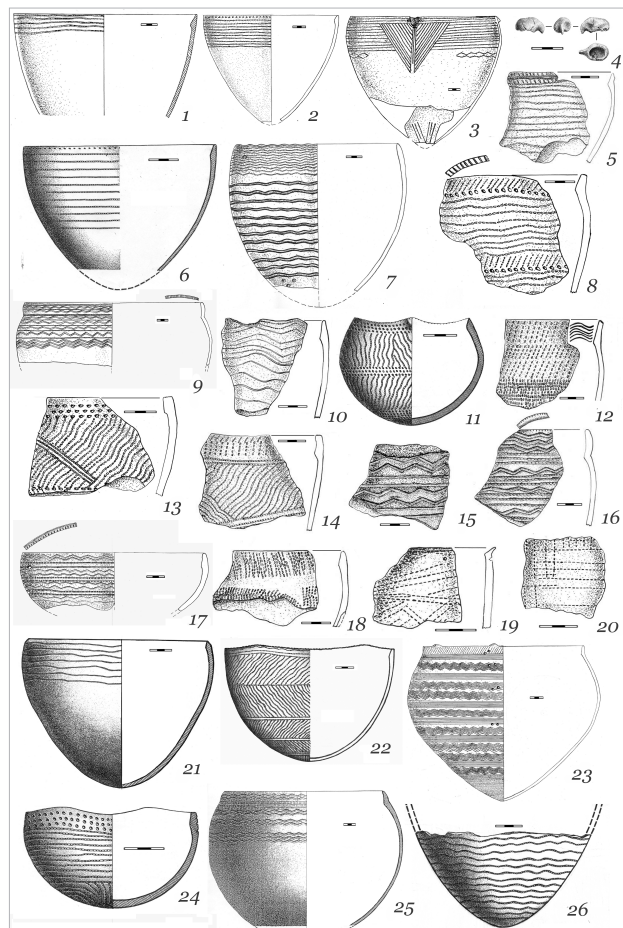

Рис. 2. Керамика Кокшаровского холма и Юрьинского поселения:

1–7, 10, 21, 26 — кошкинская культура; 8, 11, 13, 14, 22, 24 — кокшаровско-юрьинский тип; 12, 18, 23 — полуденская культура; 9, 15–17, 25 — басьяновский тип; 19, 20 — аятская культура

у подножия мыса, на котором функционировало святилище Кокшаровский холм, а также объекты 5, 6 и 7а на мысовой части поселения.

Объект 15 — яма размером в верхней части 3,5 × 2,0 м, у дна — 3,0–3,2 × 1,6–1,9 м и глубиной 1,35–1,45 м, перекрытая сверху деревянным накатником.⁶ На нем зафиксированы два кошкинских сосуда и 225 каменных артефактов (213 из них происходит от крупной серо-зеленой конкреции глинистого кремня). Очевидно, что этот объект возник ранее не только первого рва, но, может быть, и насыпного святилища в целом. Восемь дат по углю с этого объекта укладываются в интервал от ¹⁴C 7560 ± 200 BP до ¹⁴C 6900 ± 160 BP (табл. 1, 1–8). И только один образец дал дату ¹⁴C 5920 ± 60 BP (Le-

⁶ Объект, внешне подобный объекту 15, выявлен на площадке мыса. Это объект 11 — тоже грунтовая прямоугольная яма размером в верхней части 3,3 × 3,1 м и у дна 2,7 × 2,2 м и глубиной около 1,0 м (см. рис. 1). Но целых сосудов или крупных их фрагментов в нем не найдено. Поэтому время сооружения его на Холме и функциональное назначение остаются неясными.

7885).⁷ Усредненная же дата (¹⁴C R Combine) — 7037 ± 56 BP, 1σ 5990–5877 cal BC, 2σ 6018–5788 cal BC — практически идентична дате, полученной по кошкинскому сосуду из этого объекта (рис. 2, 1) — ¹⁴C 7010 ± 80 BP (Ki-15915), 1σ 5986–5834 cal BC, 2σ 6020–5732 cal BC. Возможное культовое его использование уже обосновывалось.⁸

Объект 18 — это легкая, скорее всего жилая, наземная постройка прямоугольной формы слабо углубленная в грунт (до 50–60 см) размером около 4,5 × 3,5 м, сооруженная из тонких бревен и жердей. Выход-тамбур длиной и шириной около 1,0–1,1 м находился в северной короткой стенке жилища и был несколько смещен к северо-западному углу постройки. Пол мог иметь преднамеренную подсыпку (использовался материковый песок) и даже деревянный настил. Фиксация внутри объекта только легкого прокала не исключает того, что объект использовался в теплое (весна–осень) время года. Внутри постройки зафиксирован развал сосуда кошкинского типа (рис. 2, 2), миниатюрный неорнаментированный сосуд с рельефной ручкой-налепом (рис. 2, 4), вероятно культового назначения,⁹ и другие артефакты. Уголь, взятый из заполнения объекта, дал дату ¹⁴C 6950 ± 70 BP (SPb-2057), 1σ 5895–5744 cal BC, 2σ 5986–5718 cal BC.

Примерно в это же время в пределах площадки формирующегося святилища, в ее юго-восточном секторе, на удалении 5–7 м от кромки сооружается объект 6 (см. рис. 1). Это самый крупный, видимо, культовый объект Холм. Его размеры около 5,2 × 3,5–4,0 м, высота — не менее 1,0 м.¹⁰ Он прямоугольный, ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Сооружен из нетолстых бревен, крепящихся в конструкции, в частности, при помощи вертикальных столбов. Но утверждать, что конструкция этого наземного объекта была

⁷ Дата укладывается в рамки позднего этапа существования памятника, когда здесь сооружались позднекошкинские и позднекокшаровско-юрьинские, а также полуденские и басьяновские культурные комплексы, и соотносится со временем вероятной копки рва 2.

⁸ См.: Шорин А. Ф., Вилисов Е. В. Объект 15 кошкинской культуры Кокшаровского холма: версии его использования // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 128–136.

⁹ См.: Шорин А. Ф., Шорина А. А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Урал. ист. вестн. 2016. № 4 (53). С. 17, 18.

¹⁰ Может быть, длина объекта была больше, но южная часть его потревожена каким-то более поздним перекопом. С ним связана небольшая и неглубокая яма размером 1,2 × 0,6 м. По углю из нее получена дата ¹⁴C 6565 ± 70 BP (SPb-2059), 1σ 5564–5476 cal BC, 2σ 5630–5461 cal BC.

либо каркасно-столбовой, либо срубной, вряд ли можно. Не исключено, что пол объекта, хотя бы на части площади, также мог быть покрыт деревянным настилом из нетолстых бревен или жердей (плах). Кроме того, пол намеренно подсыпан грунтом контрастной цветности в виде тонких чередующихся прослоек углистого слоя и светло-серого и желтого материкового суглинка и песка. Объект сверху также был намеренно подсыпан не только обычной землей (дерном), но и таким же, как на полу, грунтом контрастной цветности. Можно утверждать, что крыша объекта, хотя бы в некоторых местах, могла быть покрыта и какими-то органическими материалами типа циновок из растительных волокон. По длинной оси в полу объекта на расстоянии чуть более полуметра друг от друга были выкопаны две неглубокие канавы (западная даже выходила на 1,4–1,5 м за северную стенку сооружения). Длина канав около 6,5 и 4,5 м, ширина — не более полуметра. В южной части объекта они соединены канавой-перемычкой примерно такой же ширины.

Объекту 6 сопутствовали два малых объекта — 6а и 6в. Первый размером около 80 × 60 см и высотой не менее 15 см; расположен с внешней стороны объекта 6, ближе к его северо-западной стенке; сооружен из тонких, до 3 см, жердей. Второй — яма размером 1,0 × 0,7 м и глубиной 20–25 см, которая зафиксирована в юго-восточном углу объекта 6. В ней найден крупный сосуд с рельефным налепом кошкинской культуры (рис. 2, 3).

Из объекта 6 получены пять радиоуглеродных дат (три из них — по углю и две — по керамике). Одна проба угля, взятая со дна малого объекта 6а, дала дату ^{14}C 7474 ± 80 BP (SPb-2054), 1σ 6421–6332 cal BC, 2σ 6473–6208 cal BC. Два образца из заполнения канавы на дне объекта 6 дали даты ^{14}C 7005 ± 70 BP (SPb-2058), 1σ 5984–5836 cal BC, 2σ 6006–5742 cal BC и ^{14}C 6928 ± 80 BP (SPb-2060), 1σ 5890–5730 cal BC, 2σ 5983–5673 cal BC. Даты по керамике получены по двум фрагментам одного из более чем 10 кошкинских сосудов (рис. 2, 7), зафиксированных на объекте 6: первая дата — ^{14}C 7610 ± 80 BP (Ki-16386, проба А), 1σ 6529–6400 cal BC, 2σ 6636–6352 cal BC, вторая — ^{14}C 6830 ± 90 BP (Ki-16424, проба Б), 1σ 5801–5636 cal BC, 2σ 5908–5611 cal BC. Таким образом, две из пяти дат, причем как по керамике, так и по углю, тяготеют к середине — началу второй половины VII тыс. до н. э.; три даты, также как по керамике, так и по углю, — к началу

VI тыс. до н. э.¹¹ (здесь и далее приводятся калиброванные значения дат).

В глубине берега, в центральной части сакральной площадки, в рассматриваемый отрезок времени функционировал и кошкинский объект 5 (см. рис. 1). Раскопом вскрыта только его северная половина. Это постройка прямоугольной формы, размером, вероятно, около 2 × 2 м; стены ее сооружены из жердей или плах, основания которых опущены в неглубокие, до 25–50 см, канавы. Перекрытие в виде накатника из тех же жердей или плах опиралось, видимо, не только на стены, но и на вертикальные столбы. Внутри постройки зафиксированы два малых объекта. Объект 5а (вскрыта только его северная часть) — яма прямоугольной формы шириной 44 см, длиной вскрытой части 50 см и глубиной не менее 36 см. Вдоль западной ее стенки фиксировалась сгоревшая жердь. Объект 5б — прямоугольная конструкция из жердей или плах диаметром 3–10 см размером 70 × 35 см и высотой не менее 30–35 см, сверху перекрытая теми же плахами или жердями. Такие же плахи или жерди фиксировались и на дне конструкции. То есть это поставленный на пол деревянный короб или сундук, который, скорее всего, как и культовый объект 5 в целом, был преднамеренно сожжен. На перекрытии объекта 5б зафиксирована шлифованная плита, а рядом с ним, на дне объекта 5, — сосуд кошкинской культуры (рис. 2, 6). По углю, взятому из конструкции объекта 5б, получена дата ^{14}C 6959 ± 70 BP (SPb-2053), 1σ 5901–5750 cal BC, 2σ 5986–5724 cal BC. Правда дата, полученная по нижней половине кошкинского сосуда, лежащего вверх дном (рис. 2, 26), более поздняя — ^{14}C 6020 ± 90 BP (Ki-16389), 1σ 5026–4796 cal BC, 2σ 5083–4722 cal BC. Но связь сосуда с объектом 5 не очевидна, так как он найден в перекопе, зафиксированном над перекрытием объекта 5.¹²

¹¹ Анализ дат, полученных по разным материалам, показывает, что наиболее древние значения больше свойственны датам, полученным не по керамике, а по образцам угля. Дат по углю, уходящих в интервал середина — последняя четверть VII тыс. до н. э., девять (из кошкинских объектов 15, 12 и 6 таких дат получено соответственно 4, 1 и 2, с межобъектного пространства — 2). В то время как по керамике, в том числе изготовленной из илестых глин, таких дат всего 2 — ^{14}C 7010 ± 80 BP (Ki-15915) и ^{14}C 7610 ± 80 BP (Ki-16386). Но второй фрагмент керамики был передатирован и проба Б дала значение ^{14}C 6830 ± 90 BP (Ki-16424). Т. е., во всяком случае, для Кокшаровского холма вряд ли справедливо утверждение, что в датах по керамике, в том числе изготовленной из илестых глин, активно проявляется резервуарный эффект.

¹² Ранее именно эта дата определяла время функциониро-

Таблица 2

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПО УГЛЮ ИЗ ОБЪЕКТА 12 КОШКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

№ п/п	Шифр лаборатории	¹⁴ C дата, ВР	Калиброванная дата, cal BC		Источник
			1σ	2σ	
1	Le-8900	6640 ± 45	5620–5540	5632–5491	Шорин, Шорина, 2011, с. 70–77
2	Le-8901	7150 ± 100	6102–5964	6232–5834	Там же
3	Le-8902	6900 ± 45	5813–5731	5894–5706	Там же
4	Le-8903	6450 ± 65	5478–5368	5526–5309	Там же
5	Le-8904	6700 ± 50	5663–5608	5711–5534	Там же

Сравнивая кошкинские объекты 5 и 6, интересно отметить такую конструктивную деталь: они оба сопровождаются двумя малыми объектами, причем один из них в виде короба-сундука (объекты 6а и 5б), другой — в виде ямы, но с деревянной конструкцией внутри (объекты 5а и 6в). Правда объект 6а вынесен за пределы большой постройки. Сходная ситуация отмечена при анализе условного объекта 7 и малых объектов 7а и 7б, описанных ниже.

Мысовая площадка, как и пойма у основания мыса, в ранний период могла осваиваться не только кошкинскими, но и кокшаровско-юринскими коллективами. Фрагменты керамики кокшаровско-юринского типа (рис. 2, 8, 13) — один из восточной оконечности мысовой площадки, другой почти из основания нижнего культурного слоя в пойменной части Юринского поселения у подножия мыса — дали соответственно даты ¹⁴C 6820 ± 90 ВР (Ki-16037), 1σ 5791–5631 cal BC, 2σ 5902–5604 cal BC и ¹⁴C 6950 ± 80 ВР (Ki-15914), 1σ 5901–5740 cal BC, 2σ 5998–5706 cal BC.

На восточной оконечности мыса за пределами рвов располагались объект 7 и малые объекты 7а и 7б (см. рис. 1). Объект 7 выделен условно. Это выровненная площадка, где на площади приблизительно 5,4 × 2,6–3,0 м обнаружены скопления фрагментов керамики от четырех сосудов кокшаровско-юринского типа, один с рельефным налетом (рис. 2, 11). Фиксация здесь же углистых слоев, в том числе сгоревших бревен диаметром 6–14 см, а также специальная подсыпка основания площадки переотложенным желтым материковым песком не исключают сооружения здесь наземного культового объекта. В диаметрально противоположных концах этой площадки отмечены два малых объекта — 7а

и 7б. Соотношение объекта 7 и малых объектов 7а и 7б неоднозначно. Объект 7а в виде ямы размером 1,7–1,8 × 0,9 м, в которой читалась деревянная конструкция из тонких жердей типа короба-сундука размером около 1,0–1,2 × 0,6–0,7 м и высотой не менее 40 см, как и объект 7б в виде ямы размером на уровне материка около 1,6 × 0,8–1,1 м, а в придонной части около 1,3 × 0,6 м и глубиной 40–50 см, которая имела, по крайней мере, деревянное перекрытие, если не такой же короб-сундук, были отмечены под культурным слоем площадки объекта 7. Обе ямы могли быть как структурными компонентами этого объекта, так и, что вероятнее, более ранними самостоятельными культовыми малыми объектами. В пользу последнего предположения свидетельствует дата по углю из придонной части объекта 7а ¹⁴C 6954 ± 100 ВР (SPb-2061), 1σ 5912–5740 cal BC, 2σ 6012–5666 cal BC, а также первая из приведенных выше дат по керамике кокшаровско-юринского типа (Ki-16037), залегающей, возможно, в верхнем заполнении малого объекта 7б. Но культурная принадлежность этих малых объектов не очевидна: они могли быть и кошкинскими.

К этому же хронологическому интервалу функционирования Холма относятся еще две даты по углю — ¹⁴C 7428 ± 70 ВР (SPb-2055), 1σ 6380–6236 cal BC, 2σ 6438–6204 cal BC и ¹⁴C 7423 ± 80 ВР (SPb-2056), 1σ 6390–6230 cal BC, 2σ 6436–6200 cal BC. Обе они взяты с сакральной площадки центральной части мыса (одна — рядом с объектом 1, другая — рядом с объектом 3), но связь их с этими комплексами не очевидна, тем более что эта часть памятника потревожена раскопами А. И. Россадович середины XX в.

Еще одна дата по углю — ¹⁴C 6900 ± 20 ВР (Le-9252), 1σ 5793–5736 cal BC, 2σ 5837–5730 cal BC — относится к этому же раннему периоду освоения Холма. Скопления углей полосой, параллельной рву 1, фиксировались по

вания объекта 5. См.: Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических объектов Кокшаровского холма и Юринского поселения // Седьмые Берсовские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2016. С. 44.

северному краю площадки мыса, на месте его перехода в крутой склон (см. рис. 1). Не исключено, что эти углистые пятна — остатки какой-то деревянной конструкции из нетолстых жердей типа стены или частокола, которая уже на раннем этапе маркировала формирующееся сакральное пространство святилища. Но с этой датой не согласуется вторая, полученная по углю из того же скопления, но в другой лаборатории — ^{14}C 6450 ± 70 BP (SPb-441), 1σ 5480–5360 cal BC, 2σ 5544–5302 cal BC. Какая из дат достоверная, нам судить трудно; мы можем только предположить в качестве возможного объяснения, что ближе к середине VI тыс. до н. э. эта конструкция могла перестраиваться.

Вероятно, ранним по времени (хотя радиоуглеродных дат пока нет) является нижнее жилище объекта 21, глубокий (до 1,7 м) котлован которого выкопан кошкинским коллективом на территории Юрьинского поселения, к востоку от насыпной площадки святилища, сразу за рвами (см. рис. 1). Оно вскрыто примерно наполовину в его северо-западном сегменте. Так как в котлован раннего жилища впущено позднее кокшаровско-юрьинско-полуденское жилище, то ниже приведем подробное описание объекта 21.

В период около середины VI тыс. до н. э. на сакральной площадке мыса функционировали уже культовые объекты не только кошкинского, но и кокшаровско-юрьинского населения. Это объекты 12, 3, 4 и 8.

Объект 12 сооружен на самом краю мыса в центральной части сакральной зоны святилища и представляет собой комплекс нескольких объектов — 12а, 12б, 12в, 12г и, возможно, 12д (см. рис. 1). Конструктивно эти объекты объединяет в комплекс канава 7; она же маркирует его северную и восточную границы. Ширина канавы от 30 до 90 см, глубина — до 60 см. Вдоль канавы или над ней имела какая-то конструкция из жердей, сооруженная с использованием вертикальных столбов. Дно канавы подсыпано тонкими чередующимися прослойками светлого материка и черного углистого слоя. Объекты, входящие в состав комплекса, представляли собой прямоугольные постройки из жердей или плах столбовой конструкции, перекрытые, видимо, крышей. Размеры их колеблются в пределах от 1,5 × 1,0 до 2,0 × 1,8 м, высота — не менее 1,0 м. Стенка одного объекта служила одновременно стеной другого. Основания стен углублены в материк на 15–30 см, и эти канавы тоже заполнены тонкими чередую-

щимися прослойками светлого песка и черного углистого слоя. В объекте 12г сохранились уложенные на грунт деревянные жерди, служившие полом, они также подсыпаны теми же чередующимися прослойками. По развалу сосуда, зафиксированного в северо-западной части этого комплекса, и по скоплению фрагментов керамики от нескольких сосудов в северо-восточной его части можно сделать вывод о том, что этот комплекс культовых объектов сооружен населением кошкинской культуры. Усредненная дата ^{14}C 6738 ± 24 BP, 1σ 5663–5628 cal BC, 2σ 5707–5621 cal BC по пяти образцам угля, взятым в разных частях конструкции объекта 12 (табл. 2, 1–5), близка дате, полученной по сосуду (рис. 2, 21), — ^{14}C 6570 ± 90 BP (Ki-16388), 1σ 5616–5474 cal BC, 2σ 5661–5360 cal BC.

Взаимосвязанные объекты 3 и 4¹³ и вплотную примыкающий к ним с юга объект 8 также расположены в центральной части сакральной зоны, но не на самом краю мыса, а чуть дальше от кромки южнее объекта 12 (см. рис. 1). Это постройки прямоугольной формы, первые две размерами примерно 2,0 × 1,6–1,8 м, третья — 2,4–1,8 × 1,7 м. Стены сооружены из жердей или плах. У объекта 8 основания стен опущены в неглубокие (до 30 см) канавы и четко фиксируется перекрытие в виде накатника из жердей или плах, опирающееся не только на стены, но и на несколько вертикальных столбов. По сосуду кокшаровско-юрьинского типа (рис. 2, 22), зафиксированному вне объекта 3, но вприпрык к юго-западному углу постройки, получена дата ^{14}C 6480 ± 80 BP (Ki-16383), 1σ 5512–5366 cal BC, 2σ 5566–5310 cal BC. Близкая дата получена и по углю из основания одной из стен объекта 8 — ^{14}C 6437 ± 100 BP (SPb-2052), 1σ 5484–5316 cal BC, 2σ 5611–5590 cal BC. Однако вхождение объекта 8 в комплекс объектов 3 и 4 все же не очевидно, поскольку сосудом он не сопровождался. Дата этого же хронологического периода получена и по сосуду кокшаровско-юрьинского типа, найденному в пойме за рвом 2, — ^{14}C 6420 ± 90 BP (Ki-16385), 1σ 5474–5324 cal BC, 2σ 5548–5217 cal BC.

¹³ Осталось неясным соотношение объектов 3 и 4 с объектами 1 и 2 (см. рис. 1). Последние примерно тех же размеров и конструкции, но фиксировались выше объектов 3 и 4 и чуть севернее объекта 3. Они не сопровождалась развалами сосудов, по ним не получены и даты. Напрашиваются два варианта их интерпретации: 1) это самостоятельные объекты, но более поздние, чем объект 3, 2) это верхние части конструкции объекта 3, при разрушении (засыпке, «уничтожении») завалившиеся на северную сторону от основания. В этом случае высота объекта 3 была также не менее 1 м.

Заканчивая характеристику объектов раннего периода функционирования Холма, т. е. в интервале второй половины VII — середины VI тыс. до н. э., обратим внимание еще на одну интересную деталь. Конструктивно культовые объекты этого хронологического горизонта, оставленные разными группами населения, имели черты как сходства, так и различия. Сходство заключалось в том, что основу даже крупного объекта 12 составляли малые объекты 12а–д, по размерам близкие кокшаровско-юринским объектам 3, 4, 8 и кошкинскому объекту 5. Различия же сводились к тому, что кошкинские объекты 6 и 12 по размерам были более значительными, чем перечисленные выше объекты, хотя взаимосвязанные кокшаровско-юринские объекты 3 и 4 тоже составляли один комплекс. С кокшаровско-юринским типом керамики не связаны также объекты в виде большой грунтовой ямы, перекрытой накатником, например кошкинский объект 15 в пойме (см. рис. 1).

Следующая группа радиоуглеродных дат тяготеет к интервалу последней четверти VI — первой четверти V тыс. до н. э. Это особый хронологический отрезок функционирования комплекса памятников «Кокшаровский холм — Юринское поселение». На этот период приходятся поздние радиоуглеродные даты в интервале от ^{14}C 6290 ± 80 BP до ^{14}C 5840 ± 90 BP, полученные по ряду кошкинских и кокшаровско-юринских фрагментов керамики (рис. 2, 5, 10, 14), а также все даты по фрагментам керамики полуденского типа и самые ранние даты по фрагментам басьяновского типа. В этот период фиксируется сосуществование и постепенная замена кошкинских и кокшаровско-юринских орнаментальных традиций полуденскими и басьяновскими. К этому радиоуглеродному периоду относятся три объекта — басьяновский объект 17, возможно, верхний слой площадки условного объекта 7, а также верхнее жилище объекта 21. Первые расположены в периферийной, северо-восточной, части на краю мыса, третий — в глубине мыса, за рвами, на территории Юринского поселения.

Один из сосудов кокшаровско-юринского типа (рис. 2, 24), найденный на площадке условного объекта 7, дал дату ^{14}C 6260 ± 90 BP (Ki-16387), 1σ 5322–5202 cal BC, 2σ 5386–5000 cal BC.

Басьяновский объект 17 находился на краю мыса, в пределах его сакральной площадки (см. рис. 1). Это сооруженная из тонких бревен диаметром 10–20 см наземная прямо-

угольная постройка с деревянным полом размером 3,5 × 2,1 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Обогревалась очагом-кострищем наземного типа. В объекте найдено значительное количество микропластин и отщепов, а также (внутри постройки и рядом с ней) — развалы восьми басьяновских сосудов. При этом верхние части трех разных по размерам сосудов (по двум из них (рис. 2, 9, 25) получены даты ^{14}C 5960 ± 80 BP (Ki-16384), 1σ 4942–4766 cal BC, 2σ 5056–4670 cal BC и ^{14}C 5920 ± 90 BP (Ki-16854), 1σ 4911–4706 cal BC, 2σ 5016–4552 cal BC), как и трех пряслиц из фрагментов сосудов этого же типа, залегали совместно. Подобное скопление верхних частей от шести–семи сосудов (правда кошкинских) было отмечено в одном из самых ранних культовых объектов Холма — в объекте 6. Не исключено, что объект 17, культовое использование которого также возможно, возник в то время, когда кошкинские и кокшаровско-юринские культовые объекты, даже самые поздние, на площадке уже не действовали. В сферу жизнедеятельности басьяновских коллективов было активно вовлечено пространство прежде всего по северной и частично восточной кромке мыса. Именно здесь, а также в пойме найдена подавляющая часть фрагментов басьяновской керамики. По четырем из них (рис. 2, 9, 15–17, 25) получены пять дат — ^{14}C 5950 ± 90 BP (Ki-16038), 1σ 4940–4724 cal BC, 2σ 5061–4597 cal BC; ^{14}C 5890 ± 90 BP (Ki-15906), 1σ 4853–4678 cal BC, 2σ 4989–4544 cal BC; ^{14}C 5750 ± 80 BP (Ki-15538), 1σ 4691–4514 cal BC, 2σ 4791–4446 cal BC; ^{14}C 5670 ± 90 BP (Ki-15589), 1σ 4609–4444 cal BC, 2σ 4706–4350 cal BC; ^{14}C 5470 ± 90 BP (Ki-16171), 1σ 4402–4236 cal BC, 2σ 4488–4146 cal BC. Последняя дата практически смыкается с энеолитическим этапом функционирования памятника: имеются две даты, полученные по фрагментам керамики аятского типа (рис. 2, 19, 20), — ^{14}C 5440 ± 90 BP (Ki-15541), 1σ 4369–4226 cal BC, 2σ 4452–4050 cal BC и ^{14}C 5250 ± 90 BP (Ki-15907), 1σ 4081–3976 cal BC, 2σ 4274–3938 cal BC. Но в это время памятник вряд ли уже использовался как святилище.

На конец VI — самое начало V тыс. до н. э. приходятся все даты, полученные по развалу сосуда и двум фрагментам керамики полуденского типа (рис. 2, 12, 18, 23) — ^{14}C 6070 ± 80 BP (Ki-15540), 1σ 5064–4848 cal BC, 2σ 5214–4794 cal BC; ^{14}C 5980 ± 90 BP (Ki-15539); 1σ 4990–4770 cal BC, 2σ 5080–

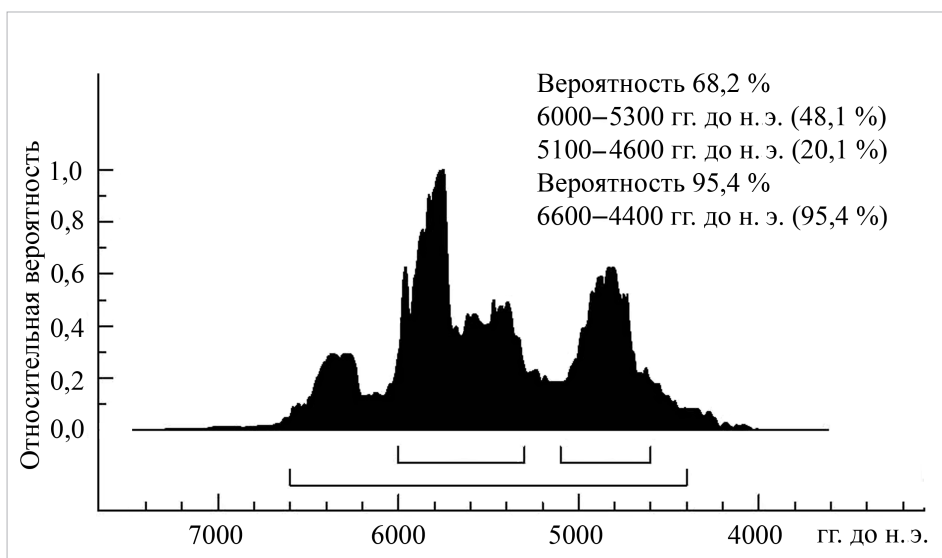

Рис. 3. График сумм вероятностей всех неолитических дат Кокшаровского холма

4682 cal BC; ^{14}C 5980 ± 90 BP (Ki-16170), 1σ 4990–4770 cal BC, 2σ 5080–4682 cal BC; ^{14}C 5970 ± 80 BP (Ki-15913), 1σ 4952–4767 cal BC, 2σ 5064–4683 cal BC. Но с сосудами этого типа не связан ни один из раскопанных культовых объектов в пределах сакральной площадки. Видимо, традиция возведения культовых построек на мысу стала уже не свойственна полуденским коллективам. Полуденская керамика залегает преимущественно в восточной части мыса, прежде всего за пределами сакральной площадки святилища и в пойме — во рву 2 и рядом с ним. В этой части памятника, кстати, фиксируется и большая часть крупных развалов полуденских и позднекокшаровско-юринских (но с элементами полуденского декора) сосудов. В связи с этим можно предположить: 1) либо Кокшаровский холм в это время как святилище прекращает свое существование, 2) либо меняются сакральные объекты и ритуалы. Культовые объекты в виде деревянных домиков вышли из употребления. Возникли новые ритуалы, элементом одного из которых стала постройка сосудов у рва.¹⁴

С совместным позднекокшаровско-юринско-полуденским коллективом, вероятно, этого же хронологического периода рубежа VI и V тыс. до н. э. связано и верхнее жилище объекта 21. Оно вскрыто частично, поэтому размеры объекта можно установить только приблизительно по западению прямоугольной формы размером около 9,0 × 6,5 м, ориентированному по линии СЗ–ЮВ, фиксируемому на поверхности. Поздненеолитическое жилище

было впущено на глубину до 1,3–1,4 м в котлован раннего кошкинского и имело размеры вскрытой части около 5,6 × 4,9 м. В центре жилища на полу, который преднамеренно подсыпан материковым желтым песком или светло-коричневым суглинком, фиксировался очаг размером до 2,0 × 1,5 м с внешней обвязкой из жердей диаметром около 10 см. Заполнение очага содержало значительное количество мелких пережженных костей. Жилище, скорее всего, имело каркасно-столбовую конструкцию.

К сожалению, без культурно-хронологической привязки остались объекты 11 и 14, малый объект 9, расположенные в пределах сакральной площадки мыса, два малых объекта 10 и 22, зафиксированных в восточной части мыса, а также объекты 16 и 19 в пойме (см. рис. 1). По ним нет радиоуглеродных дат, и они не сопровождалась сосудами. Конструктивно они сходны с тем или иным типом объектов святилища и поселения, описанных выше.

В целом же, график сумм вероятностей всех дат показывает время функционирования святилища Кокшаровский холм с вероятностью 95,4 % в интервале 6600–4400 cal BC (рис. 3). С вероятностью 68,2 % в этом интервале четко выделяются два пика — 6000–5300 cal BC и 5100–4600 cal BC. Возможно, они маркируют два этапа использования святилища — ранний (к его началу можно, скорее всего, отнести и даты, по крайней мере, в интервале ^{14}C 7474 ± 80 BP — ^{14}C 7010 ± 80 BP, т. е. период второй половины VII — середины VI тыс. до н. э.) и поздний (охватывает период конца VI — начала третьей четверти V тыс. до н. э.).

¹⁴ См.: Шорин А. Ф. Указ. соч. С. 35.

Вполне возможен также перерыв в действии святилища приблизительно в период между 5300–5100 cal BC. Ранний этап связан с формированием и обитанием на памятнике кошкинских и кокшаровско-юринских коллективов. На позднем этапе кошкинские и кокшаровско-юринские коллективы сначала сосуществуют, а затем сменяются полуденскими, а также оформляется басьяновский орнаментальный комплекс. Это подтверждают также даты, полученные по керамике с басьяновского Второго поселка I, расположенного приблизительно в 1 км от святилища, — ^{14}C 6210 ± 90 BP (Ki-16862), 1σ 5232–5056 cal BC, 2σ 5370–4933 cal BC и ^{14}C 5930 ± 90 BP (Ki-16861), 1σ 4933–4712 cal BC, 2σ 4933–4712 cal BC. Правда дата по углю, взятому из культурного слоя этого памятника, оказалась гораздо старше — ^{14}C 7090 ± 50 BP (Le-8905), 1σ 6018–5970 cal BC, 2σ 6060–5877 cal BC.¹⁵

Публикация статьи, где представлены графики сумм вероятностей всех основных неолитических культурных традиций Зауралья в целом,¹⁶ позволяет определить место дат

Кокшаровского холма в системе неолитических дат этого региона. В целом, они укладываются в те интервалы, что определены для каждого из неолитических комплексов. Но не исключено, что возможность появления кошкинской культурной традиции уже во второй половине VII тыс. до н. э. или в самом начале третьей четверти VII тыс. до н. э. (судя по новым датам, полученным с Холма) не столь уж сомнительна и что раннеолитическая эпоха в Зауралье, представленная прежде всего кошкинскими и козловскими (кокшаровско-юринскими) комплексами, имела длительный период существования, не менее тысячи, а то и полутора тысячи лет, заканчиваясь на рубеже VI и V тыс. до н. э., а может быть, в начале первой четверти V тыс. до н. э. Окончание позднеолитической эпохи, представленной памятниками полуденской и басьяновской (боборыкинской) культур, вряд ли все же выходило за пределы третьей — последней четверти V тыс. до н. э. Это время, к которому на Холме и в других регионах Зауралья относятся ранние даты культур энеолитической эпохи.

Alexander F. Shorin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shorin_af@mail.ru

Anastasia A. Shorina

Junior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: aashor@mail.ru

RADIOCARBON DATING OF THE KOKSHAROV HILL NEOLITHIC COMPLEXES

Based on the study of 54 radiocarbon dates we have established the period of the existence of the Neolithic complexes of the archaeological site “Koksharov Hill — Yurjino settlement”. The probability sum diagram for all dates produced the time interval of its functioning between 6600–4400 cal BC with 95.4 % probability. With the 68.2 % probability we observed two clear peaks within this interval — 6000–5300 cal BC and 5100–4600 cal BC. It is quite possible that they marked two stages of the sacred place use — the early stage (its beginning could most likely be marked by the dates within the interval between ^{14}C 7474 ± 80 BP–7010 ± 80 BP, i. e. the period of the second half of the 7th — middle of the 6th millennium BC) and the late (covered the period of the end of the 6th — beginning of the third quarter of the 5th millennium BC). The early stage involved the building on the site of the religious and the residential structures of the Koshkino and the Koksharovsko-Yurjinskaya population groups. At the late stage these groups at first coexisted, and later were replaced by the Poludenskaya culture population, at the same time the Basjyanovsky ornamental complex was formed. The latest date for this complex — ^{14}C 5470 ± 90 BP — linked up with the Eneolithic Ayat stage of the site's occupation — ^{14}C 5440 ± 90 BP and ^{14}C 5250 ± 90 BP. However at that time the site was already hardly used as for religious purposes

¹⁵ См.: Шорин А. Ф., Вилисов Е. В., Шорина А. А. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 13.

¹⁶ См.: Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 40, рис. 3.

Keywords: *Neolithic, the chronology, the Trans-Ural, Koksharovsky Hill, Yurinskoe settlement, koshkinskaya culture, koksharovsko-yurinskaya culture, basyanovskaya culture, poludenskaya culture*

REFERENCES

- Bader O. N. [The Urals Neolithic]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1970, no. 166, pp. 157–171. (in Russ.).
- Chernetsov V. N. [On the question of the addition of the Urals Neolithic]. *Istorii, arkheologiya i etnografiya Sredney Azii* [Histories, archaeology and ethnography of Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 41–53. (in Russ.).
- Kovaleva V. T. *Neolit Srednego Zaural'ya* [Neolithic of the Middle Trans-Urals]. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1989, 80 p. (in Russ.).
- Shorin A. F. [Sanctuary Koksharovsky Hill in the Middle Trans-Urals: markers of sacred space]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2010, no. 1(26), pp. 32–42. (in Russ.).
- Shorin A. F., Shorina A. A. [Chronostratigraphy of the Neolithic Complexes of the Sanctuary Koksharovsky Hill]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2011, no. 3(47), pp. 70–77. (in Russ.).
- Shorin A. F., Shorina A. A. [Chronostratigraphy of the Neolithic objects of Koksharovsky Hill and the Yurinsk settlement]. *Sed'myye Bersovskiye chteniya: Materialy Vseross. nauchno-praktich. konf. s mezhdunarodnym uchastiyem* [Seventh Bersovsky Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conf. with International participation]. Ekaterinburg: KVADRAT Publ., 2016, pp. 40–47. (in Russ.).
- Shorin A. F., Shorina A. A. [Koksharovsky Hill: Neolithic vessels with relief images]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 4(53), pp. 15–24. (in Russ.).
- Shorin A. F., Vilisov E. V. [Object 15 of koshkinskaya culture of Koksharovsky Hill: the version of its use]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology of the Urals]. Ekaterinburg; Surgut: "Magellan" Publ., 2008, iss. 25, pp. 128–136. (in Russ.).
- Shorin A. F., Vilisov E. V., Shorina A. A. [Basianovo Archaeological Complex of the Late Neolithic Age: bases of isolation]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2015, no. 1, pp. 5–18. (in Russ.).
- Vybornov A. A., Mosin V. S., Epimakhov A. V. [Chronology of the Uralian Neolithic]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2014, no. 1(57), pp. 33–48. (in Russ.).